НАТО: все ставки на военное сдерживание

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

17 и 18 октября в Брюсселе прошла встреча министров обороны государств-членов НАТО. Формально ее повестка включала три главных темы: дальнейшая поддержка Украины, развитие связей с партнерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе и усиление потенциала Альянса в вопросах сдерживания и обороны. Однако в реальности все эти темы сводятся к последней. И пока НАТО занимается лишь ее военным измерением, хотя действительно эффективное сдерживание требует активной дипломатии.

Содержание

1 Сдерживание, только сдерживание и ничего кроме сдерживания
2 НАТО долго запрягала, но быстро едет
3 Не пушкой единой

Находясь в дни министерской встречи в Брюсселе, сложно было понять, что какие-то важные мероприятия проходили именно в новом здании штаб-квартиры НАТО. С бесконечными пробками и внезапным перекрытием дорог можно было столкнуться практически в любой части бельгийской столицы. Несмотря на то, что мероприятия высокого уровня там проходят постоянно и давно стали неотъемлемой частью брюссельской жизни, даже местные жители и работающие в международных структурах чиновники тяжело вздыхали от навалившихся неудобств. Связаны они были в первую очередь с чередой встреч на высшем уровне, включая саммит ЕС и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, а также заседание Европейского Совета. Но в коридорах брюссельских институтов активно шептались, что все логистические проблемы из-за наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда бин Салмана. Мол, только его приездом можно объяснить такие экстраординарные даже по меркам Брюсселя меры безопасности.

Кем или чем бы ни были вызваны такие меры безопасности на улицах города, все же главное по своей долгосрочной значимости мероприятие в эти дни проходило именно в штаб-квартире Североатлантического альянса.

Сдерживание, только сдерживание и ничего кроме сдерживания

Если бы понадобилось одним словом суммировать дискуссии и решения завершившейся встречи министров обороны НАТО, то этим словом было бы «сдерживание» (deterrence). Оно звучало или подразумевалось практически в каждом выступлении глав оборонных ведомств и акцентировалось в ходе многочисленных пресс-брифингов и интервью функционеров Альянса. Как заявил недавно вступивший в должность генерального секретаря НАТО Марк Рютте, который впервые председательствовал на встрече глав министерств обороны, «усиление нашей обороны и способности сдерживать является главным приоритетом Альянса».

Понятно, что речь в Североатлантическом блоке ведут о военном сдерживании России в Европе и Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Последний формально пока не является зоной ответственности организации, однако с 2022 года по итогам ежегодных саммитов НАТО стало уже нормой принимать коммюнике, где Китаю и АТР уделяется не очень большое, но все более акцентированное внимание. Как, впрочем, и в утвержденной на Мадридском саммите 2022 года новой версии Стратегической концепции НАТО. В ней КНР вообще стала впервые в истории фигурировать в доктринальном документе НАТО.

Состоявшаяся сейчас встреча глав оборонных ведомств продолжила укреплять эту тенденцию. Встреча началась с дискуссий в расширенном формате с участием министров обороны из Австралии, Японии, Новой Зеландии и Южной Кореи. В таком формате НАТО и страны-партнеры из АТР встретились впервые. Несложно догадаться, какая тема их объединяет. При этом Китай все равно пока остается на периферии внимания Альянса. На него сейчас скорее можно проектировать будущее применение сдерживания, которое в режиме реального времени НАТО разворачивает именно против Москвы.

> Сдерживание – совсем не новый термин в вокабуляре НАТО. В последние годы он формирует основу всех стратегических и концептуальных документов Альянса и является системообразующей идеей его деятельности.

Более того, он синонимичен с изначальной миссией Альянса, который на заре Холодной войны и впоследствии был призван сдерживать военную мощь Советского Союза.

Да и вообще этот термин созвучен и во многом взаимозаменяем с самой концепцией коллективной обороны, которая заложена в фундаменте и Североатлантического альянса, и всех других военно-политических блоков на планете. Они создаются и функционируют именно для того, чтобы сдерживать реальные и потенциальные военные угрозы странам-членам. За счет сложения воедино оборонных возможностей объединяющихся в рамках блока государств, а также их координированного развития и подготовки предполагается не только математически увеличить оборонный потенциал, но и, говоря по-простому, произвести впечатление.

Адресатом для впечатлений здесь являются страны или страна, которых члены блока воспринимают в качестве угрозы. Те должны видеть, что военный потенциал союзников превосходит или как минимум не уступает их собственному. И на этом основании приходить к выводу, что последствия военных действия в отношении союзников для них самих будут настолько болезненными, что лучше к ним даже не прибегать. То есть что последствия ответных действий в случае чего будут неприемлемыми.

НАТО долго запрягала, но быстро едет

Сквозь концептуальную призму сдерживания министры рассматривали как оперативные, так и более стратегические вопросы. К числу первых относились прежде всего ситуация на российско-украинских фронтах и все более сложные вопросы поддержки Киева со стороны Альянса. Рютте подтвердил обязательство союзников выделить Киеву в этом году 40 млрд евро в качестве помощи в области безопасности. Из них в первой половине года уже было выделено 20,9 млрд. Президент Украины, также находившийся в Брюсселе, посетил очередное заседание Совета НАТО-Украина в рамках министерской встречи и выступил перед его участниками.

> Правда, в итоге все эти официальные мероприятия в медийном пространстве оказались в тени выступления Зеленского на Европейском Совете (то есть заседании глав государств и правительств стран ЕС). Но там он также много говорил именно о НАТО.

По крайней мере, в той части, которая вызвала мировой резонанс: о том, что у Украины остается лишь две стратегические опции. Первая – максимально быстрое вступление в Североатлантический альянс. Вторая – создание собственного ядерного оружия. Оставим эту тему в стороне, так как она требует отдельной дискуссии. Как и многочисленные другие вопросы сотрудничества НАТО с Киевом, которые являются ключевыми и для перспектив окончания российско-украинских боевых действий, и для послевоенного обустройства европейской безопасности.

Вернемся к стратегическому измерению дискуссий и решений о сдерживании на министерской встрече в Брюсселе. Суть натовского подхода напомнил Рютте: союзникам следует «идти дальше и быстрее, чтобы противодействовать растущим угрозам, с которыми мы сталкиваемся». И это требует «больше сил, средств и инвестиций, которые позволят нам достичь амбициозные цели, зафиксированные в наших оборонных планах». Акцент делается на значительном повышении возможностей военно-промышленного комплекса, обеспечении большей безопасности цепочек поставок и продвижении новых технологий.

В развитие этой логики министры утвердили пять инициатив в «некоторых из наиболее критических сфер для сдерживания и обороны». Как будто подчеркивая, что сдерживание призвано производить впечатление, эти инициативы назвали «проектами высокой видимости». Они касаются развития удаленно управляемой авиации, унификации стандартов артиллерийских боеприпасов, повсеместного внедрения технологии дополненной реальности при проведении военных учений и освоения новых космических технологий. Сюда же относится и решение запустить инициативу по усилению безопасного обмена информацией среди государств-членов. Она является частью более широкого процесса цифровой трансформации Альянса, которая подразумевает в том числе ускоренное внедрение технологий двойного назначения.

> При этом цементирующей основной концепции сдерживания у НАТО, разумеется, остается фактор ядерного оружия.

Как, впрочем, и у любого другого актора, который им обладает или на которого ядерный зонтик безопасности распространяют союзники. Ренессанс фактора ядерного оружия, о котором мы уже как-то рассуждали, настолько естественен в современных международных условиях, что функционеры Альянса упоминают его просто между строк.

Таким образом, в сухом остатке по итогам встречи министров обороны НАТО мы имеем новый пакет решений, который детализирует и укрепляет стратегическую ставку на военное сдерживание воспринимаемых Альянсом угроз. Эта ставка не только предопределяет действия НАТО в отношении России и прочерчивает контуры политики в направлении Китая и АТР. Она также закладывает на многие годы вперед колею развития военно-промышленного комплекса государств-членов и корректирует всю их социально-экономическую политику. Кроме того, она программирует аналитическую рамку, с помощью которой элиты в западных странах оценивают мир и положение в нем своих стран.

При этом брюссельские решения на уходящей неделе не стали чем-то особенно примечательным. Все они были ожидаемыми и имели больше технический, нежели политический характер. Истоки политического курса на возврат к сдерживанию России – как минимум в 2014 году. Тогда саммит НАТО в Уэльсе утвердил показатель в 2% ВВП как ориентир для военных расходов стран-членов. За этим, казалось бы, простым ориентиром стал закладываться большой политический и еще больший военно-промышленный смысл. Правда, какое-то время после Уэльского саммита Альянс медленно раскачивался. Теперь же, как показала и прошедшая встреча министров обороны, он начинает намного быстрее и запрягать, и ехать.

Не пушкой единой

Логика решений и действий НАТО, направленных на сдерживание оппонентов, очевидна и в целом понятна. Ее можно осуждать или наоборот разделять, но она в любом случае легко просчитывается, так как отражает опыт самого Альянса и закономерности межгосударственного соприкосновения в сфере безопасности. Все это достаточно давно и основательно описано в теории международных отношений.

> Но также в теории хорошо прописано, что военная составляющая не является единственно возможным компонентом сдерживания. Более того, она не является достаточным компонентом, потому что ставка на сдерживание лишь с помощью военных и военно-технических средств провоцирует так называемую «дилемму безопасности».

Та, в свою очередь, ведет к гонке вооружений и иным «прелестям» спиралеобразной эскалации. В результате на долгой дистанции безопасности становится меньше, притом для всех.

Эти выводы во многом основаны на историческом опыте самого НАТО. На пике Холодной войны там пришли к важному выводу, что у сдерживания обязательно должна быть обратная сторона – диалог. То есть, что военные и дипломатические средства необходимо задействовать одновременно и в логической взаимоувязке. Что безопасность и разрядка – это не противоречащие друг другу концепции. Именно это в 1967 году провозгласил ставший позже легендарным доклад министра иностранных дел Бельгии Пьера Армеля. Сегодня НАТО следовало бы стряхнуть пыль с архивных документов и вернуться к мудрости отцов-основателей.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»